

18+

Сергей Кузнецов

Небольшие неисправности реальности

Сборник рассказов.

Сергей Кузнецов

**Небольшие неисправности
реальности. Сборник рассказов**

<https://litres.ru/74253197>

ISBN 9785007043496

Аннотация

В одном городе, очень похожем на ваш, происходят небольшие сбои реальности. Неопасные. Почти бытовые. Иногда холодильник начинает хранить несбывшиеся планы. Иногда лифт обижается на жильцов. Иногда голуби ходят строем, а чайник свистит перед важными изменениями. Здесь старый кинотеатр показывает людям их непрожитую жизнь, почтальонша случайно отправляет письма в прошлое, а коты знают о человеке больше, чем сам человек готов признать.

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Дом, который	5
Женщина, у которой чайник начинал свистеть	10
Электрик, у которого	14
Человек, который	18
Кассир, у которой сдача	25
Женщина, возле которой начинали признаваться	29
Голуби ходили строем	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Небольшие неисправности
реальности
Сборник рассказов**

**Сергей Викторович
Кузнецов**

© Сергей Викторович Кузнецов, 2026

ISBN 978-5-0070-4349-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

ГОРОД НАЧИНАЕТ ВЕСТИ СЕБЯ СТРАННО

Дом, который понимал одиночество

Дом №11 стоял в конце улицы Профсоюзной. Старый. Пятиэтажный. С чуть покосившимися балконами и двором, где качели скрипели так жалобно, будто заранее извинялись за детство. На первый взгляд — обычный дом. Только квартиры там почему-то постоянно снимали разведённые мужчины.

Сначала это казалось совпадением. Ну мало ли. Развод — ипотека — однушка — новая жизнь с чайником и растерянностью. Стандартная мужская миграция. Но потом жильцы начали замечать странное. Стоило мужчине развестись — и через месяц он уже почему-то жил в доме №11.

Даже если раньше жил в другом районе, не знал про этот дом или вообще собирался уехать к маме в Омск. Дом будто сам их находил. Особенно много таких появилось после 40. Мужчины приезжали туда с одинаковыми вещами — спор-

тивной сумкой, ноутбуком, двумя кружками и с лицом человека, который слишком резко остался один.

Дом принимал их удивительно бережно. Трубы там не орала по ночам. Это уже выглядело почти сверхъестественно. Потому что в обычных домах трубы ведут себя как родственники на свадьбе — эмоционально и без предупреждения. А в доме №11 они шумели тихо. Успокаивающе.

Холодильники не гудели тоскливо. Не напоминали про бывших совместным молчанием. Лампочки перегорали редко. Лифтов не было — и почему-то это тоже помогало.

Даже стены в квартирах словно поглощали стыд. Тот особый мужской стыд после развода, когда не понимаешь, кто виноват, но почему-то неловко перед чайником.

В доме №11 это чувство постепенно затихало. Мужчины начинали жить. Медленно. Сначала учились готовить что-то кроме пельменей, переставали спать в одежде, снова покупали нормальные полотенца. Потом начинали улыбаться.

Во дворе даже появилась особая атмосфера. По вечерам разведённые мужчины сидели на лавочках и разговаривали про давление, детей, странные сообщения от бывших и почему жизнь после 40 ощущается как перезапуск системы без инструкции.

Иногда они молчали вместе. Это тоже считалось поддержкой. Дом относился к ним с пониманием. Если человек ночью не мог уснуть — батареи тихо потрескивали, будто кто-то сидит рядом. Если становилось совсем тяжело — в подь-

езде неожиданно пахло чьим-то ужином.

Дом как будто напоминал: ты всё ещё среди людей. Особенно странной была квартира 27. Туда почему-то селились самые потерянные.

И именно там однажды оказался Андрей. 46 лет. Развод. Дочь-подросток, которая теперь отвечала на сообщения раз в три дня и с пунктуацией ненависти. Андрей въехал в квартиру вечером. Сел на табуретку. И впервые за много лет услышал тишину, которая не обвиняет.

Он даже заплакал немного. Совсем чуть-чуть. Как плачут мужчины, когда рядом никого нет и можно наконец перестать держать лицо.

Первые месяцы дом его буквально спасал. Сосед снизу приносил суп. Кто-то оставил возле двери дрель с запиской «Мужик мужику». В подъезде жила кошка Мотя, которая безошибочно определяла людей на грани и приходила лежать рядом.

Андрей начал приходить в себя. Снова смеяться. Гулять. Спать нормально. Даже купил фикус. Это был тревожный, но обнадеживающий симптом.

А потом прошло три года. И Андрей вдруг понял, что он боится уходить. Не из квартиры. Вообще. В доме было слишком безопасно. Слишком понятно. Здесь никто не спрашивал, почему ты один, почему не сложилось, почему молчишь.

Дом принимал сломанных мужчин так естественно, будто только для этого и был построен. Но постепенно что-то

происходило. Мужчины переставали пытаться жить дальше. Они застревали. Уютно. Тихо. Безболезненно. Как вещи, которые слишком долго пролежали в шкафу и уже забыли, что их можно носить.

Андрей начал замечать это у соседей. Один всё собирался позвонить дочери. Пятый год. Другой мечтал уехать к морю. Десятый год. Третий постоянно говорил:

— Ну мне и одному нормально.

И говорил это с интонацией человека, который долго уговаривал сам себя.

Однажды ночью Андрей проснулся от странного звука. Будто дом вздохнул. Тяжело. Очень устало. Он вышел на кухню. В окнах напротив горел свет. Мужчины сидели по своим квартирам: кто-то пил чай, кто-то смотрел телевизор без звука, кто-то просто молчал.

И вдруг Андрей понял страшное. Дом не лечил одиночество. Он просто учился жить вместе с ним. Слишком хорошо.

На следующий день Андрей впервые за долгое время вышел не во двор, а дальше. Пошёл по городу пешком. Позвонил дочери. Купил цветы какой-то женщине из книжного. Записался в бассейн, хотя ненавидел бассейны с восьмого класса.

Жить было страшно. Но не жить — оказалось страшнее. Через месяц он съехал. Соседи смотрели на него почти с тревогой. А Мотя долго сидела возле чемодана. Будто проверя-

ла: точно ли человек понимает, что делает.

Когда такси уехало, дом №11 остался стоять на своём месте. Тихий. Тёплый. Понимающий. Свет в окнах мягко горел. И где-то внутри снова кто-то осторожно учился жить один. Потому что некоторые дома строятся не из бетона. А из человеческой усталости, которой однажды очень захотелось, чтобы людей наконец пожалели.

Женщина, у которой чайник начинал свистеть перед важными решениями

Чайник у Веры Андреевны был старый. Настолько старый, что уже не свистел — а скорее высказывал мнение. Он жил на плите лет двадцать. Потемневший. С немного кри-вой крышкой. И с характером пожилого родственника, кото-рый многое видел и теперь осуждает молча. Вера Андреевна не собиралась верить в мистику. Она работала бухгалтером. Тридцать лет. Человек с такой профессией обычно перестаёт верить даже в отпуск. Но чайник вёл себя странно. Иногда начинал свистеть перед важными решениями. Причём даже выключенный.

Сначала это казалось совпадением. Первый раз он засви-стел ночью, когда Вера Андреевна почти согласилась вый-ти замуж за Игоря Павловича. Свист был короткий. Тревож-ный. Она тогда вздрогнула, не спала до утра, а через неделю выяснила, что Игорь Павлович одновременно делает пред-ложение ещё двум женщинам. Очень хозяйственный оказал-ся человек. Любил оптовые решения. Потом чайник засви-стел, когда Вере Андреевне предложили переехать в другой город. Она отказалась. Через год завод там закрылся.

После этого стало не смешно. Чайник предупреждал. Не

всегда о катастрофах. Иногда просто о жизни, которая собиралась резко повернуть. Свистел — перед увольнениями, перед тяжёлыми разговорами, перед решениями, после которых человек уже не совсем тот. Особенно страшно было ночью. Вера Андреевна просыпалась от свиста, шла на кухню — а чайник стоял холодный. Молчал. С видом существа, которое вообще-то пыталось помочь, но уже слегка устало от человеческой непонятливости.

Постепенно про чайник узнал весь подъезд. Потому что стены в старых домах тонкие, а тревога — вообще очень слышимая штука. Соседка снизу однажды спросила:

— У вас там что, паровоз?

— Судьба, — мрачно ответила Вера Андреевна.

Соседка не удивилась. Она прожила в этом доме сорок лет. Тут уже всякое было.

Но настоящий ужас случился в апреле. Вера Андреевна должна была лететь в Турцию. Первый отпуск за двенадцать лет. Путёвку ей буквально навязала подруга: «Ты или отдохнёшь, или окончательно превратишься в тревожный предмет интерьера». Вера Андреевна долго сопротивлялась. Потом согласилась. Самолёт был утром. Вечером она собрала чемодан, проверила документы, выпила чай и впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на радость.

Ночью чайник засвистел. Громко. Так, будто внутри него умирал локомотив. Вера Андреевна подскочила в кровати. Свист не прекращался. Она выбежала на кухню. Чайник сто-

ял холодный. Но свистел. Истошно. Отчаянно. Через минуту проснулся весь подъезд. Соседи выглядывали из дверей. Кто-то ругался. Ребёнок на третьем этаже заплакал. А чайник всё свистел. Вера Андреевна смотрела на него — и чувствовала, как внутри медленно растёт паника. Потому что никогда раньше он не предупреждал так громко. Никогда.

Свист прекратился внезапно. Будто чайник выдохся. На кухне повисла тишина. И тогда Вера Андреевна поняла: она не полетит.

Утром подруга кричала в трубку:
— Ты сошла с ума! Из-за чайника?!

Вера Андреевна сама понимала, что говорит как человек, которому пора обследоваться у специалистов широкого профиля. Но в аэропорт не поехала. Весь день сидела дома. Пила чай. Смотрела в окно. Чувствовала себя идиоткой. Самолёт благополучно приземлился. Никакой катастрофы не случилось. Подруга вечером прислала фотографию моря с подписью: «Поздравляю, ты проиграла электрочайнику». Вера Андреевна даже расплакалась немного. От стыда. Потому что впервые чайник, кажется, ошибся.

А ночью ей позвонила дочь. Они не разговаривали почти год. После тяжёлой ссоры, в которой обе сказали слишком точные вещи.

— Мам... — тихо сказала дочь. — Я сегодня весь день думала, что если бы ты улетела, то мы бы опять не поговорили неизвестно сколько.

Вера Андреевна молчала. На кухне тихо стоял чайник. Очень спокойно.

— И я вдруг поняла, что ужасно по тебе скучаю.

Вера Андреевна почувствовала, как внутри что-то начинает ломаться. Долго. Медленно. Как старый лёд весной. Они разговаривали почти три часа. Про всё — про обиды, страх, одиночество, и про то, как глупо люди иногда любят друг друга через молчание.

Когда разговор закончился, на улице уже светало. Вера Андреевна вышла на кухню. Погладила старый чайник по тёплому боку и тихо сказала:

— Так вот чего ты испугался.

Чайник не ответил. Но крышка у него почему-то слегка дрогнула. Будто от облегчения.

А через неделю Вера Андреевна всё-таки улетела к морю. И впервые за много лет взяла с собой не тревогу. А возможность вернуться обратно живой.

Электрик, у которого лампочки загорались рядом с влюблёнными

Электрика звали Геннадий Аркадьевич. Хотя весь район называл его просто Гена-свет. Не потому что он был особенно жизнерадостный. Наоборот. Геннадий Аркадьевич выглядел как человек, которого жизнь долго была током исключительно в воспитательных целях. Он ходил в старой куртке, пах пылью, изолянтной и философским разочарованием в человечестве. Но электричество его любило. Очень. Лампочки рядом с Геной не перегорали, автоматы не выбивало, а старые люстры вдруг начинали работать, хотя их уже мысленно отпели.

— Руки хорошие, — говорили жильцы.

На самом деле проблема была не в руках. Проблема была в любви.

Гена заметил это случайно. Лет пятнадцать назад. Молодая пара целовалась возле подъезда — и в этот момент над ними вспыхнул фонарь. Ярко. Тепло. Почти торжественно. Гена тогда ещё подумал: «Совпадение». Потом заметил снова. Чем сильнее люди любили друг друга — тем ярче рядом работал свет. Не метафорически. Буквально. В квартирах счастливых пар лампы горели мягче, гирлянды не ломались,

и даже холодильники гудели уютнее. А возле людей, которые давно жили без любви, свет становился тусклым. Усталым. Будто электричество тоже теряло интерес.

Сначала Геннадий Аркадьевич никому не рассказывал. Попробуй объясни взрослому человеку: «У вас проводка грустит из-за эмоциональной дистанции». Люди и без того тяжело переживают коммунальные платежи. Но с годами закономерность стала очевидной. Влюблённые буквально подпитывали город. Особенно сильные чувства. Однажды после свадьбы на улице Тихой внезапно заработала старая вывеска гастронома, которая не светила с 1992-го. А одна женщина так любила мужа, что у них в ванной три года не перегорала ни одна лампочка. Это уже почти нарушало физику.

Гена начал присматриваться к людям. И понял странное — город светился не от электричества. От человеческой привязанности. Поэтому зимой фонари всегда казались тусклее. Люди в холод хуже любят друг друга.

Потом появились они. Лиза и Максим. Гена впервые увидел их возле трамвайной остановки. И в этот момент загорелись три фонаря, вспыхнула вывеска аптеки, а в доме напротив включился свет в пустой квартире. Гена чуть не выронил инструменты. Такого ещё не было. Эти двое любили друг друга с какой-то опасной мощностью. Будто забыли, что человеческое сердце вообще-то не рассчитано на такие перегрузки. Когда они держались за руки — лампы начинали гудеть. Когда целовались — в подъездах теплее становилось.

А однажды ночью, когда они сидели на крыше, во всём районе внезапно дали свет после аварии. Хотя бригада ещё даже не доехала.

Геннадий Аркадьевич тогда долго курил во дворе и смотрел в окна. Город буквально жил от их чувства. Люди тоже начали замечать странности. Влюблённые гуляли — и улицы становились уютнее. Магазины светлее. Автобусы тише. Даже дворники ругались как-то мягче.

Это продолжалось почти два года. А потом Лиза и Максим расстались. Никто не знал, почему. Может, устали. Испугались. Или просто оказались людьми. Что, если честно, почти всегда проблема.

В тот вечер в городе начались перебои. Сначала погасли фонари. Потом целый квартал остался без света. Через час вырубилло половину района. Люди звонили в аварийную службу. Ругались. Светили телефонами. А Геннадий Аркадьевич сидел на трансформаторной будке и молчал. Потому что понимал — это не авария. Просто город внезапно потерял очень мощный источник света.

Следующие месяцы были тяжёлыми. Лампочки перегорали. Подъезды темнели. Даже гирлянды на Новый год выглядели депрессивно. Будто электричество по всему району слегка разочаровалось в человечестве.

А потом однажды Гена встретил Максима. Тот сидел возле круглосуточного магазина и курил с лицом человека, который внутренне уже пережил ноябрь.

— Плохо без неё? — спросил Гена.

Максим усмехнулся:

— А вам-то что?

Геннадий Аркадьевич посмотрел на тёмные окна домов.

— Да всему району, если честно.

Максим сначала не понял. Потом вдруг поднял глаза. В этот момент над магазином едва заметно мигнула вывеска. Совсем слабо. Но всё-таки.

— Она тоже скучает, — тихо сказал Гена.

Максим долго молчал. Потом выбросил сигарету и вдруг спросил:

— А если уже поздно?

Гена пожал плечами.

— Электричество вообще штука упрямая. Иногда возвращается даже после очень плохого контакта.

Через неделю Лизу и Максима снова увидели вместе. Просто идущими по улице. Без драматизма. Без музыки. Очень осторожно. Будто люди несут что-то хрупкое после ремонта. И в этот момент по всему району одновременно вспыхнули фонари. Даже те, которые давно считались мёртвыми. А в доме №14 вдруг заработал лифт. Хотя его не могли починить с апреля.

Геннадий Аркадьевич тогда только тяжело вздохнул, посмотрел на светящиеся окна и пробормотал:

— Ну вот. Опять нагрузка выросла.

Человек, который приносил дождь

Первый дождь пошел в апреле. Ничего необычного в этом не было. Весна в северных городах редко обходится без дождей. Небо неделями висит низко над крышами, асфальт темнеет от влаги, а дворы превращаются в сеть луж, в которых отражаются серые многоэтажки.

Станным было другое. За полчаса до дождя во дворе всегда появлялся дворник. Высокий мужчина в старом темном плаще. С метлой. С тележкой. Сутулый. Молчаливый. Никто не знал, откуда он приходил. И куда исчезал потом. Но жители дома №27 начали замечать закономерность. Стоило ему выйти во двор — через некоторое время начинался дождь. Всегда. Без исключений.

Сначала об этом шутили. Потом начали спорить. Потом проверять прогнозы. Иногда небо оставалось чистым. Солнце светило вовсю. Никаких дождей синоптики не обещали. Но стоило появиться дворнику, как через час над районом собирались тучи. Будто он приносил их с собой. Словно дождь шел за ним следом.

Максим впервые увидел его в мае. Он недавно переехал в квартиру матери после развода. Тридцать девять лет. Журналист городской газеты. Человек, привыкший искать рациональные объяснения даже самым странным вещам. В тот

вечер он возвращался домой поздно. Во дворе стоял дворник. Медленно подметал мокрый асфальт. Хотя дождь еще не начался. Максим машинально посмотрел на небо. Над городом сияли звезды. Ни единого облака. Через сорок минут пошел ливень.

На следующий день он решил поговорить с дворником. Тот работал возле детской площадки. Собирал прошлогодние листья в большую кучу.

— Здравствуйте.

Мужчина поднял голову. Ему было сложно определить возраст. Лицо выглядело одновременно старым и молодым. Словно время оставило на нем следы, но не смогло выбрать направление.

— Добрый день.

— Вы давно здесь работаете?

— Очень давно.

— Я вас раньше не видел.

— А я вас видел.

Максим улыбнулся.

— Откуда?

— Вы жили в третьем подъезде. Квартира семьдесят два. До восьмого класса. Потом переехали.

Улыбка исчезла. Это была правда.

— Откуда вы знаете?

Дворник пожал плечами.

— Помню.

— Что именно?

— Всех жильцов.

Максим решил, что разговаривает с бывшим работником ЖЭКа. Или старожилом района. Но уже через несколько минут понял, что ошибается. Потому что дворник начал перечислять фамилии. Квартира двадцать четыре. Семья Соколовых. Переехали в 82-м. Квартира пятьдесят девять. Ветеран войны Аркадий Петрович. Умер в 78-м. Квартира сто три. Молодая женщина с дочкой. Пожар в 1971-м. Он говорил без запинки. Без размышлений. Словно листал внутренний каталог памяти.

Через неделю Максим принес старые фотографии дома. Снимки, найденные в архиве редакции. На одном из них был двор, снятый в 1968 году. Дети возле песочницы. Бабушки на лавочке. Только когда Максим увеличил фотографию на компьютере, у него похолодели руки. Возле дальнего подъезда стоял дворник. Тот самый. В том же плаще. С той же тележкой.

На следующем снимке. 1979 год. Он тоже был там. На фотографии 1986 года. Снова. На кадре начала девяностых. Опять. Время вокруг менялось. Люди старели. Исчезали. Появлялись новые. Только дворник оставался прежним.

Максим начал расспрашивать старожилов. Многие помнили этого человека. Причем воспоминания уходили очень далеко. Некоторые утверждали, что видели его еще в детстве. Другие вспоминали рассказы родителей. Но никто не

мог назвать имени. Будто оно постоянно ускользало из памяти.

Летом начались новые странности. Дворник начал здороваться с людьми по именам. Не только с живыми. Однажды соседка услышала, как он остановился возле пустой лавочки и сказал:

— Доброе утро, Валентина Ивановна.

На лавочке никого не было. Но именно там любила сидеть Валентина Ивановна, умершая пятнадцать лет назад.

В другой раз он поздоровался возле старой детской площадки:

— Здравствуй, Колька.

Свидетелем оказался мужчина лет пятидесяти. Он потом признался Максиму, что только так его называл брат. Погибший в детстве. В 1984 году. Во дворе этого самого дома.

Максим все чаще ловил себя на мысли, что дворник разговаривает не только с живыми. Словно для него границы между теми, кто был и кто есть сейчас, давно стерлись. Будто он видел дом целиком. Сразу во всех временах.

А потом наступил сентябрь. И дворник впервые заговорил о доме. Они сидели возле подъезда. Шел мелкий дождь. Тот самый дождь, который появился вскоре после его прихода.

— Скоро начнется, — сказал дворник.

— Что именно?

— Исчезновение.

Максим усмехнулся.

— Какое еще исчезновение?

Дворник посмотрел на окна. Очень долго. Очень внимательно. И тихо ответил:

— Этот дом скоро исчезнет. Он уже наполовину ушел.

Несколько дней Максим не мог выбросить эти слова из головы. Потом появились первые признаки. Мелкие. Почти незаметные. В доме начали находить двери, которых раньше не было. Старые кладовки. Замурованные ниши. Фрагменты лестниц. Словно здание постепенно вспоминало собственное прошлое.

Потом некоторые жильцы начали видеть странные вещи. На лестничных площадках мелькали люди в одежде прошлых десятилетий. В окнах отражались старые дворы. Иногда лифт открывался на этажах, которых не существовало. Максиму даже показалось, что однажды вечером он увидел свою мать молодой. Она шла через двор с авоськой. Как в далеком детстве.

Осенью дом начали забывать. Сначала городские службы. Потом карты. Потом документы. Адрес постепенно исчезал из баз данных. Почтальоны путались в номерах. Таксисты не могли найти нужный двор. Навигаторы показывали пустое место.

Максим проверил архивы. И обнаружил нечто странное. До строительства многоэтажки на этом месте находилось старое кладбище поселка. Потом его перенесли. По крайней мере официально. Но документы оказались неполными.

Часть захоронений так и осталась под землей.

Когда он рассказал об этом дворнику, тот лишь кивнул. Будто давно знал.

— Дом стоит сразу в двух местах.

— В каких?

— Здесь. И там.

Он показал метлой вниз. Под землю.

К ноябрю дождь шел почти ежедневно. Жильцы начали замечать, что дворник появляется все чаще. Иногда его видели сразу в нескольких дворах. Иногда он возникал там, где только что никого не было. Словно расстояние перестало иметь для него значение.

Последний разговор состоялся в начале декабря. Ночью. Во дворе никого не было. Только фонарь освещал мокрый снег.

— Кто вы такой? — спросил Максим.

Дворник долго молчал. Потом улыбнулся. Устало. Почти печально.

— Я помню дома.

— Что это значит?

— Когда люди уходят, кто-то должен помнить, что они были.

Он посмотрел на окна. На темные подъезды. На качели. На старые деревья.

— Иначе все исчезнет слишком быстро.

Утром дворник пропал. Навсегда. Больше его никто не ви-

дел.

А через неделю пришла комиссия. Дом признали аварийным. Трещины в фундаменте оказались критическими. Началось расселение. Люди вывозили мебель. Разбирали вещи. Прощались с соседями.

Весной дом снесли. На его месте остался пустырь. Обычный участок земли среди спального района. Ничего особенного. Кроме одной детали. Каждый раз перед дождем на пустыре появляется человек в старом плаще. С метлой. С тележкой. Он медленно проходит по траве, словно подметает невидимый двор. Останавливается возле мест, где когда-то были подъезды. Смотрит на несуществующие окна. Иногда кивает кому-то. Здравается. Потом уходит. А над районом начинают собираться тучи. Потому что некоторые дома исчезают не сразу. И некоторые люди продолжают помнить их еще очень долго. Иногда дольше, чем сами дома помнят себя.

Кассир, у которой сдача всегда была судьбой

Кассиршу звали Ольга Николаевна. Она работала в маленьком круглосуточном магазине «Виктория» возле автобусного кольца — месте, где люди обычно покупают хлеб, сигареты, пельмени и ощущение, что жизнь всё-таки продолжается.

Магазин был старый. Холодильники гудели как уставшие родственники. Пол скрипел. А охранник Степаныч спал так профессионально, что это уже считалось частью системы безопасности.

Именно там у Ольги Николаевны началась проблема с деньгами. Сперва всё выглядело как совпадение. Однажды она дала мужчине сдачу — семь рублей. Через два дня он прибежал обратно счастливый:

— Жена вернулась!

Никто не понял связи. Даже жена.

Потом пенсионерке выпало тринадцать рублей сдачи. Через неделю у неё прорвало трубу, сломался телевизор и объявился бывший зять. Это уже выглядело как организованное несчастье.

Ольга Николаевна начала замечать закономерности. Если человек получал 7 рублей — что-то возвращалось, 13 — жди неприятностей, 50 копеек — скоро объявится прошлое,

2 рубля — дорога, 1 рубль — выбор, 9 — стыд. Особенно боялись 13.

Постоянные покупатели даже начали специально добирать жвачки, чтобы избежать суммы.

— Только не тринадцать, Ольга Николаевна... — шептали люди с ужасом человека, пережившего коммунальные платежи.

Она сама этого не хотела. Честно. Но деньги будто знали что-то раньше людей.

Иногда Ольга Николаевна чувствовала это почти физически. Монеты в ладони становились тяжёлыми, тёплыми или тревожно холодными. Будто выбирали человека. Самое страшное — они никогда не ошибались.

Однажды молодой парень получил 50 копеек сдачи. Через три дня ему написала первая любовь: «Привет. Ты мне сегодня приснился». Парень потом неделю ходил по магазину с лицом человека, которого эмоционально сбил автобус.

А мужчина с семью рублями спустя месяц нашёл собаку, потерянную ещё зимой. Живую. Очень толстую и без капли сожаления.

Постепенно про магазин начали ходить слухи. Некоторые приезжали специально. Покупали воду за двадцать три рубля и нервно ждали судьбу. Это ужасно раздражало Ольгу Николаевну.

— Я вам не ведьма! — говорила она.

Но монеты в кассе тихо звенели с выражением: «Ну-ну».

Особенно тяжело было с тринадцатью рублями. Однажды Ольга Николаевна специально попыталась не отдавать такую сдачу. Добавила человеку рубль из своего кармана. На следующий день покупатель поскользнулся, сломал каблук и узнал, что его начальник — идиот. Судьба просто взяла доли событиями. После этого Ольга Николаевна перестала вмешиваться. Жизнь и без неё выглядела достаточно мстительной.

Но однажды случилось странное. Под конец смены в магазин почти никто не заходил. Шёл дождь. Мигала лампа. Степаныч храпел так, будто спорил с трактором. Ольга Николаевна решила купить себе чай и печенье. Пробила товар. Открыла кассу. И замерла.

Не хватало рубля. Ровно одного. Она пересчитала деньги. Потом ещё раз. Рубля не было. Хотя должен был быть. В магазине стало тихо. Даже холодильники как-то насторожились. Ольга Николаевна медленно посмотрела на экран кассы. Сдача самой себе: 1 рубль. Выбор.

По спине прошёл холод.

— Да ну вас... — тихо сказала она монетам.

Монеты промолчали. Очень многозначительно.

Всю ночь Ольга Николаевна не могла уснуть. Смотрела в потолок. Пила чай. Думала. Выбор. Какой ещё выбор? Утром позвонила дочь. Они не разговаривали почти два года. После ссоры. Тяжёлой. С такой гордостью, которую люди почему-то называют принципами.

Дочь долго молчала в трубке. Потом тихо сказала:

— Мам... я не знаю, зачем звоню.

И в этот момент Ольга Николаевна вдруг всё поняла. Рубль. Не судьба. Не магия. Не проклятие. Просто момент, в котором человек ещё может свернуть не туда, куда привык.

Она сидела на кухне, слушала дыхание дочери в трубке и чувствовала, как внутри медленно, со скрипом, словно старый кассовый аппарат, открывается что-то давно закрытое.

— Ничего, — тихо сказала Ольга Николаевна. — Главное, что позвонила.

На улице шёл дождь. А где-то далеко, в маленьком магазине возле автобусного кольца, монеты в кассе наконец перестали тревожно звенеть. Будто тоже немного успокоились.

Женщина, возле которой начинали признаваться

Женщину звали Вера Андреевна. И люди рядом с ней начинали говорить правду. Не специально. Никто не садился рядом с мыслью: «А расскажу-ка я незнакомой женщине про свою разрушенную жизнь». Нет. Всё происходило как-то само. Сначала человек просто вздыхал. Потом говорил:

— Странная погода.

Потом:

— Знаете, я вообще-то не люблю возвращаться домой.

И через десять минут уже рассказывал, кого предал, кого до сих пор любит, чего боится по ночам и почему хранит в гараже сломанный детский велосипед сына, которому уже тридцать.

Вера Андреевна не понимала, почему так происходит. Она была совершенно обычной: пальто, пакет с продуктами, усталые глаза человека, который слишком долго работал с людьми. Библиотекарь. Бывший. После сокращения она устроилась регистратором в поликлинику. Что, по сути, тоже было работой с человеческим отчаянием, только без художественной литературы.

Первый раз это случилось в автобусе. Мужчина в кожаной куртке вдруг сказал:

— А я ведь сына боюсь.

Вера Андреевна растерялась:

— Простите?

Но мужчина уже смотрел в окно.

— Он хороший. Умный. И смотрит на меня так, будто понимает, какой я на самом деле.

Потом вышел на остановке и даже не попрощался. Будто очнулся.

После этого признания начали происходить постоянно. В очереди за рыбой женщина рассказала Вере Андреевне, что ненавидит собственную свадьбу на фотографиях. В аптеке пенсионер признался, что специально ломает очки, чтобы дети приезжали чаще.

Однажды в маршрутке пьяный мужчина сел рядом и очень серьёзно сказал:

— Я вообще-то хотел стать океанологом.

А потом заплакал в рукав.

Самое странное — рядом с Верой Андреевной не ввали даже пьяные. Это выглядело противоестественно. Потому что обычно алкоголь превращает человека либо в философа, либо в художественную литературу. Но возле неё люди почему-то становились точными. Они говорили вещи, которые никогда раньше не произносили вслух. И после этого часто выглядели растерянными. Будто случайно открыли дверь не в ту комнату внутри себя.

Подруга Нина считала, что у Веры Андреевны дар.

— Или проклятие, — мрачно отвечала та.

Потому что чужие признания очень тяжёлые. Особенно когда человек вываливает их тебе между картошкой и анализом крови.

Вера Андреевна начала уставать. Люди рассказывали слишком много. Одна женщина призналась, что уже десять лет каждое утро надеется заболеть — просто чтобы немного отдохнуть. Молодой парень сказал:

— Я не знаю, как быть счастливым без чувства вины.

А старик возле почты однажды тихо прошептал:

— Я так и не извинился перед братом. А его уже восемь лет как нет.

После таких разговоров Вера Андреевна приходила домой совершенно разбитая. Садилась на кухне. Молчала. Иногда ей казалось, что внутри неё постепенно собирается огромный склад чужой боли.

И однажды она не выдержала. Это произошло в поликлинике. Жарко. Очередь. Люди злые, как будто болезнь была коллективным проектом. Молодая девушка у окна вдруг сказала:

— Я вообще ребёнка не хотела.

И расплакалась. Вера Андреевна почувствовала, как внутри что-то обрывается.

— Зачем вы мне всё это говорите?! — неожиданно резко спросила она.

В коридоре стало тихо. Даже кашлять перестали. Девушка растерянно вытерла глаза:

— Не знаю...

И вдруг тихо добавила:

— Вы слушаете так, будто человеку можно быть настоящим.

Эта фраза ударила сильнее крика. Вера Андреевна замолчала. А вечером долго сидела дома без света. И постепенно начала понимать странное. Люди не искали советов. Не ждали помощи. Им просто хотелось хоть раз побыть рядом с человеком, который не перебивает, не оценивает, не готовит ответ заранее, не ждёт своей очереди говорить.

Это оказалось почти сверхъестественным навыком. Потому что мир давно разучился слушать. Все только спешили, объясняли, советовали, спорили, доказывали. А Вера Андреевна почему-то умела выдерживать чужую правду рядом. Даже неудобную.

После этого ей стало легче. Нет, люди не перестали признаваться. Наоборот. Однажды таксист рассказал ей, что иногда специально ездит медленнее, потому что боится возвращаться домой раньше тишины. А мальчик лет десяти серьёзно сообщил:

— Мне кажется, папа устал быть взрослым.

Но теперь Вера Андреевна уже не воспринимала это как проклятие. Скорее как работу. Очень странную. Очень тяжёлую. И почему-то ужасно нужную.

Иногда по вечерам она сидела на остановке после работы. Люди рядом постепенно начинали говорить. Тихо. Осто-

рожно. Будто вспоминали, что быть услышанным — это не роскошь. А одна из самых важных вещей, которые вообще могут случиться с человеком.

Голуби ходили строем

Голубей первым заметил не журналист. Первым их заметил старик. Но старик никому ничего не рассказывал. Каждое утро, ровно в семь часов двадцать минут, он приходил на площадь с полотняной сумкой через плечо и высыпал возле памятника горсть зерна. Звали его Федором Андреевичем. Он был высоким даже в старости, только сильно согнулся за последние годы. Ходил медленно, опираясь на трость. Летом носил выгоревшую кепку речника, зимой — старую каракулеву шапку. В городе его знали многие. Никто не помнил, кем он работал. Никто не знал, есть ли у него родственники. Он просто существовал как часть пейзажа. Как памятник. Как тополя на площади. Как сами голуби.

Утром старик приходил. Высыпал корм. Садился на скамейку. Ждал. А потом птицы начинали собираться со всех сторон города. С крыш. С чердаков. С карнизов. С проводов. Будто кто-то подавал им невидимый сигнал.

Молодой журналист Алексей оказался на площади случайно. Весной редакция поручила ему написать материал о городских легендах. Тема была проходная. Из серии тех, которые появляются летом, когда настоящих новостей мало. Он фотографировал старые здания, разговаривал с пенсионерами, записывал местные байки. И однажды заметил голубей. Сначала ничего необычного. Стая как стая. Но затем его

внимание привлекло странное движение. Птицы не просто толпились вокруг корма. Они двигались рядами. Ровными. Почти правильными. Как будто строились. Сделают несколько шагов. Остановятся. Повернут одновременно. Снова двинутся вперед. И так раз за разом. Алексей несколько минут наблюдал за ними. Потом рассмеялся. Показалось. Конечно показалось. Но на следующий день все повторилось. И через день тоже.

Через неделю он принес фотоаппарат. Сделал несколько десятков снимков. Вечером начал просматривать их на компьютере. И вдруг почувствовал неприятный холодок. С высоты голуби действительно образовывали фигуры. Не случайные. Упорядоченные. Колонны. Шеренги. Коробки. Птицы словно выполняли какой-то давно выученный порядок действий. Будто повторяли движение большой группы людей. Много раз подряд. Из дня в день. Из года в год

— Они всегда так ходят, — сказал старик, когда Алексей показал ему фотографии.

— Кто?

— Голуби.

— Почему?

Федор Андреевич пожал плечами.

— Привыкли.

— К чему?

— К строю.

Старик произнес это совершенно серьезно. Будто речь

шла о чем-то очевидном.

После этого разговора Алексей полез в архив. Сначала просто из любопытства. Потом уже целенаправленно. И довольно быстро обнаружил интересную деталь. До 1960-х годов на месте нынешней площади находился городской сборный пункт. Именно отсюда уходили на фронт мобилизованные жители района. Тысячи людей. В июле 1941 года — колонной. Под музыку духового оркестра. Под крики провожающих. Под плач матерей и жён. Сборный пункт просуществовал до конца войны. Потом его разобрали. Позже построили площадь. Еще позже установили памятник. Обычная история. Если бы не одна цифра. Согласно архивным документам, почти половина ушедших отсюда мужчин домой не вернулась.

Алексей начал приходить каждое утро. Старик уже ждал его. Они сидели рядом на скамейке и молча наблюдали за птицами. Иногда казалось, что голуби действительно маршируют. Иногда — что это лишь игра воображения. Но потом происходило нечто странное. Когда птиц собиралось особенно много, они вдруг выстраивались в длинные прямые линии. Настолько ровные, что становилось не по себе. Словно на площади появлялись невидимые дороги. По которым кто-то продолжал идти.

— Вы давно их кормите? — спросил однажды Алексей.

— 57 лет.

— Почему именно здесь?

Старик долго молчал. Потом сказал:

— Я их встречаю.

— Кого?

Но ответа не последовало.

Только позже Алексей узнал, что Федор Андреевич был последним живым ветераном района. На фронт он ушел в 17 лет. Вернулся в сорок шестом. Один из всего школьного класса. Из 23 человек. Остальные остались где-то на севере. В болотах. В лесах. На безымянных высотах. В братских могилах. Или вовсе без могил.

Странности начались осенью. В городе существовала старая традиция. Каждый год 22 июля на площади проходил памятный митинг. Дата давно потеряла официальный статус, но ветераны продолжали собираться. Теперь приходили в основном дети и внуки фронтовиков. Несколько десятков человек. Не больше. В тот год Алексей тоже пришел. С фотоаппаратом. Для репортажа. Утро выдалось холодным. Над городом висело низкое серое небо. Площадь была почти пустой. Только старик стоял возле памятника. С мешком зерна.

Ровно в 7—20 он рассыпал корм. И произошло то, чего раньше Алексей никогда не видел. Голуби появились сразу. Не десятками. Не сотнями. Тысячами. Они летели со всех сторон. Из-за реки. Из леса. Из промзоны. Из старых кварталов. Небо буквально почернело от крыльев. Люди начали останавливаться. Смотреть вверх. Доставать телефоны.

Птицы опустились на площадь. И неожиданно замерли. В

абсолютной тишине. Даже воркование исчезло. Голуби стояли рядами. Шеренга за шеренгой. Дружно смотря на север. Как солдаты перед командой. А потом одновременно двинулись вперед. Сделали несколько шагов. Остановились. Снова шагнули. Еще раз. Еще. Алексей смотрел и чувствовал, как по спине медленно поднимается холод. Потому что это уже не было похоже на случайность. Это был строй. Настоящий строй.

Старик рядом тихо снял кепку. И вдруг вытянулся. Настолько прямо, насколько позволяли возраст и больная спина. Будто стоял на плацу. Перед командиром. Перед строем. Перед прошлым.

Потом голуби взлетели. Все одновременно. Будто получили приказ. Огромная стая поднялась над площадью. Сделала круг над городом. Еще один. И направилась на север. К лесам. К болотам. К далекой линии горизонта. Туда, где когда-то исчезли тысячи людей.

Никто не смог объяснить увиденное. Видео разошлись по интернету. Орнитологи говорили о коллективном поведении птиц. Биологи искали рациональные причины. Журналисты спорили. Но ни одна версия не объясняла главного. Почему это происходило именно в этот день. И именно на этой площади.

Федор Андреевич умер зимой. Тихо. Во сне. Ему было 97. Весной Алексей впервые пришел на площадь без него. Принес мешочек зерна. Рассыпал возле памятника. И сел

на ту самую скамейку. Голуби начали собираться почти сразу. Много. Очень много. Они кружили над площадью. Потом опустились на землю. И вдруг выстроились в несколько длинных рядов. Будто кого-то ждали. Несколько минут птицы стояли неподвижно. Оставляя в центре свободное место. Широкий проход. Как между двумя шеренгами почетного караула. А потом одна из птиц отделилась от стаи. Старый голубь с почти белыми крыльями. Он медленно прошел по этому проходу. До самого памятника. После чего стая поднялась в воздух. Сразу вся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.